

Системный кризис и выбор пути развития России

**Сергей Семенович
ГУБАНОВ**

доктор экономических наук, профессор МГУ,
главный редактор журнала «Экономист»

Аннотация. В статье рассматриваются причины системного кризиса в современной экономике России. Выделяются главные факторы, тормозящие переход к инновационному типу развития страны. Особое внимание сосредоточено на потерях, вызванных компрадорским характером действующей экономической системы, и в частности — ее экспортно-сырьевой модификацией. Подробно обосновывается авторское положение о том, что нашей стране нужна сейчас экономическая система, рассчитанная на плановое проведение новой индустриализации всего отечественного хозяйства.

Ключевые слова: системный кризис экономики, компрадорский характер экономической системы, новая индустриализация.

§ 1. Причины кризиса

При анализе причин текущей социально-экономической ситуации нельзя не заметить знаковой переключки времен. Как известно, в 2015 году наша страна торжественно отмечает 70-летие победы советского народа в Великой Отечественной войне. Этот всенародный праздник имеет, безусловно, свои идеологические, поли-

тические и духовно-патриотические моменты, но нас интересует здесь больше экономический аспект. Дело в том, что великая Победа нашего народа зиждилась на особом, исторически новаторском экономическом фундаменте и явилась также экономической победой системного масштаба. Ведь в техническом отношении, напомним, Великая Отечественная война

застала страну не совсем подготовленной: к моменту вероломного немецко-фашистского нападения молодая еще советская индустрия не успела обеспечить перевооружение Вооруженных сил новым поколением военной техники. Тем не менее планово-экономическая система Советского Союза позволила очень быстро перестроить народное хозяйство на военный лад и привести военно-промышленный потенциал страны в соответствие с вызовами военного времени.

Сегодня Великой Отечественной войны нет, но исторически ситуация во многом аналогична. Действительно, перед страной стоят сейчас очень сложные геополитические задачи, причем не только на украинском направлении, а по всему периметру границ России. И на арктическом, и на дальневосточном, и на китайском, и на среднеазиатском, и на ближневосточном, и на средиземноморском направлениях — со всех сторон мы получили ныне беспрецедентные стратегические и геополитические вызовы.

И главная проблема заключается в том, что пореформенный экономический потенциал России абсолютно неадекватен брошенным нам вызовам. В результате жизнь ставит перед нами крупный и злободневный вопрос: сумеем ли мы так же быстро привести в соответствие с ними свою экономику, свой экономический базис, чтобы успешно справиться со стратегическими и геополитическими вызовами современности?

В истории нашей страны подобного рода вызовы безусловно не первые и не последние. За более чем тысячелетний исторический период не раз уже наша страна подвергалась таким судьбоносным испытаниям, и всегда выходила из них с честью — даже тогда, когда наши противники

полагали, будто Россия превратилась уже в «конченное» государство, надорванное, разложенное, разломленное, слабое и т.п. Наш народ всегда находил в себе и силы, и ум, и возможности, для того чтобы справиться с любыми вызовами. Несомненно, точно так же будет и сейчас, хотя это не значит, что предстоящие испытания «рассосутся» сами собой или же не потребуют от нас колоссальных усилий. Напротив, нам придется весьма серьезно поработать, чтобы решить исторически ответственные задачи наших дней. Но они будут решены, потому что, в отличие от многих предыдущих периодов, теперь у нас есть достаточно точное понимание, что и как нужно делать, чтобы пойти вперед, и прежде всего — чтобы поднять свой экономический потенциал.

Итак, главная задача 2015 года заключается в том, чтобы на федеральном и региональном уровнях принять такие решения и осуществить такие действия, чтобы привести экономический потенциал страны в соответствие со стратегическими и геополитическими вызовами.

По поводу сложившейся в настоящее время социально-экономической ситуации высказываются различные оценки. И, заметим, ни одна из них не является положительной. В телепередачах, на радио, в научной и аналитической литературе заключения о масштабе и природе переживаемого кризиса расходятся: стагнация, стагфляция, депрессия, автономная рецессия, дефолт экспортно-сырьевой модели, системный кризис.

Что из указанного набора экспертных оценок верно по состоянию на 2015 год? Относительно вопроса о том, чем вызвано кризисное положение в народном хозяйстве, все множество мнений сходится к двум основным позициям.

Условно их можно назвать «внешней» и «внутренней», поскольку одна из них отводит решающую роль внешним, нероссийским причинам кризиса (международные санкции, в том числе и санкции, связанные с украинским кризисом, присоединением Крыма, а также падение цен на нефть), тогда как другая — внутренним, российским. По сути, определились две принципиальные позиции.

Конечно, спорить есть о чем. Вопрос о природе кризиса вовсе не праздный. Для России крайне важно получить верный ответ на него. Будет верный ответ — будут и верные действия. И наоборот, ошибочные представления влекут за собой ошибочные действия, которые лишь отягощают и без того нелегкие последствия текущего кризиса.

Опять же, задача экономической науки заключается в том, чтобы дать точный ответ на вопрос, с какого рода кризисом мы столкнулись и какие причины к нему привели: внешние или внутренние. Как уже сказано, сейчас оформились две основные позиции, и они противоположны. Чтобы было понятно, о чем идет речь, назовем их своими именами: одна — компрадорская, а другая — суверенная.

Мы не случайно упомянули 70-летие Победы, потому что это была еще и победа ради того, чтобы наша страна работала сама на себя, чтобы она не попала в новое «иноземное иго». В годы Великой Отечественной войны Советский Союз воевал не только за военную независимость и сохранение политического суверенитета государства, но и за то, чтобы самостоятельно выбирать путь и способ своего социально-экономического развития, чтобы многонациональный советский народ работал сам на себя, а не на фашистскую Германию или какую-то другую иностранную державу.

В чем заключается компрадорская позиция? Что такое «компрадор» с точки зрения классического определения? Некоторые относят указанное понятие к разряду «бренных», ставших нарицательными, какими теперь стали и некоторые другие определения, подобно «либерализму», «демократии» и т.п. На самом деле применяемый термин имеет совершенно ясное научное содержание: он обозначает посредника между иностранным капиталом и отечественным национальным богатством. К компрадорскому (олигархическому) слою относятся те, кто занимается превращением национальной собственности в транснациональную, то есть иностранную, обслуживая интересы, заведомо чужие и чуждые России.

Еще есть термин «офшоризация» собственности — это когда российская собственность становится офшорной, то есть нероссийской. Соответственно, компрадорская разновидность экономической системы означает, что страна работает не столько сама на себя, сколько на иностранный капитал, а компрадорский социальный слой помогает подчинять работу национальной экономики в пользу иностранного капитала. Само собой разумеется, если страна работает на иностранный капитал, значит, она работает на собственное экономическое истощение. В итоге, наряду с обогащением за границы национальными ресурсами происходит обнищание внутри самой страны.

Почему приходится говорить о компрадорской позиции? У нас по-прежнему функционирует экспортно-сырьевая модель. Именно она и является компрадорской по своему характеру. Естественно, для компрадорских идеологов и фигур совершенно невыгодно, чтобы источники нынешнего кризисного положения

в стране связывались с экспортно-сырьевой моделью, то есть с внутренними факторами. Поэтому затухание темпов экономического роста и так называемую инвестиционную паузу они предпочитают связывать, прежде всего, со снижением цен на нефть, то есть с внешними факторами, на которые российское правительство не влияет и влиять не в состоянии. Согласно компрадорской позиции, сама по себе экспортно-сырьевая модель вовсе не при чем, вовсе не ответственна за сложившееся непростое экономическое положение: виноваты, мол, цены на нефть, международные санкции и прочие внешние факторы.

Компрадорской противостоит суверенная позиция, основная установка которой заключается в том, что Россия должна работать исключительно сама на себя: не на кого-то постороннего, а на собственное развитие и обогащение, на подъем покупательной способности граждан, предприятий и государственного бюджета. Вполне закономерно, что с точки зрения суверенных интересов страны кризис обусловлен не санкциями, не внешнеторговой конъюнктурой, а экспортно-сырьевой моделью работы на иностранный капитал.

И действительно, не будь господства экспортно-сырьевой модели, которая выступает, помимо прочего, моделью деиндустриализации России, ситуация была бы в корне иной. Например — как в Китае с его промышленным экспортом, поддерживаемым планово-экономической моделью экспортно-индустриального типа. Благодаря тому снижение цен на сырьевые товары не только не затрагивает китайскую экономику негативным образом, но, наоборот, стимулирует снижение топливно-энергетических издержек и подстегивает промышленный рост. Точно так же по статистике можно видеть, что при снижении цен на сырье темпы промышленного про-

изводства существенно выросли в странах Европейского союза, равно как и в англосаксонских странах. Если до 2012 года, когда происходил бурный спекулятивный подъем цен на нефть, металлы, удобрения, зерно, продовольственные товары, среднегодовые темпы роста европейской промышленности балансировали на уровне 0,3–0,5%, то сегодня это 2% (в США — 3–4%), в отличие, к сожалению, от нашей страны, где темпы промышленного роста в последнее время или нулевые, или даже отрицательные. Таким образом, вследствие господства экспортно-сырьевой модели снижение цен на нефть помогает зарубежным промышленно развитым странам, но не помогает России, точно так же как промышленному росту России не помогали в 2012–2013 годы и высокие цены на нефть, газ, металлы и удобрения.

На наш взгляд, столь контрастная асимметричность уже сама по себе должна заставить задуматься над тем, с какого рода кризисом мы столкнулись, почему понижательная динамика цен на сырье выгодна промышленно развитым странам, но болезненно отзывается на динамике нашей экономики, почему в основных нефтедобывающих странах при происшедшем в конце 2014 г. снижении цен на нефть пиковая девальвация валюты не превысила 13%, а в России перевалила за 100%, почему наша внутренняя ценовая система так резко реагирует на валютный курс рубля, на девальвацию.

Факт есть факт: когда цены на нефть и сырье падают, передовые индустриальные страны мира ускоренно обновляют высокотехнологичный промышленный капитал. А что же компрадорская по своему системному устройству Россия? Она, напротив, впадает в кризис. Сдуваются ВВП, объём бюджета, внутренний спрос, капитальные вложения, социальные расходы и т.д.

По статистике, несмотря на 2–3-кратные колебания биржевой конъюнктуры по сырьевой группе товаров, внутренние цены в странах Евросоюза (за исключением Греции) изменились за последние 5 лет на $-0,5$ – $0,0\%$. Это говорит об управляемой стабильности покупательной силы евро (то есть национальной валюты Евросоюза).

Спрашивается теперь: что произошло с покупательной способностью рубля за последние 5 лет? Она упала, притом обесценение достигло почти 50% . Иными словами, покупательная способность рубля сократилась без малого в 2 раза. Естественно, для экономической науки это уже сам по себе достаточный симптом, чтобы хотя бы поставить перед собой элементарный вопрос: что же это за экономическая система в стране, которая приводит к обвалу самого главного средства обращения — национальной валюты? И почему евро, в отличие от рубля, — это валюта, которая является долгосрочным стимулом для того, чтобы сберегать, зарабатывать и накапливать.

Сбережения в евро, несмотря на очень низкие процентные ставки, вполне рациональны, потому что человек, который отложил сбережения в евро, совершенно уверен, что через 30 лет их покупательная способность будет не ниже, чем в тот момент, когда он сделал свои сбережения.

Теперь попробуйте применить эту стратегию к рублю. Попробуйте сберечь покупательную способность в рублях на 30 лет. Не получится. И понятно, почему — из-за стремительного обесценения рубля. Что это значит? Это значит, что рубль не является долгосрочным экономическим стимулом.

Между тем, твердая по покупательной силе валюта суть первое, с чего начинается любая дееспособная экономическая система. Мы уже привели в пример евро. Можно указать также советский золотой червонец после денежной реформы 1924–1925 годов,

советский рубль после денежной реформы 1947 года, немецкую марку после денежной реформы Л. Эрхарда, послевоенную японскую иену. Из хрестоматийного исторического ряда твердых валют, с которыми связан бурный экономический прогресс или подъем, полностью выбивается только постсоветский рубль. Только он не выполняет своей системной функции.

С точки зрения фундаментальной экономической характеристики главное отличие компрадорской экономической системы, и в частности — ее экспортно-сырьевой модификации (экспортно-сырьевая система по своему характеру относится к классу компрадорских), состоит в том, что это зависимая экономическая система. Всякая экономика, которая отличается компрадорским характером, по определению не относится к классу независимых.

Безусловно, началом начал для решения крайне серьезных задач — и высокотехнологического развития, и укрепления политического суверенитета, и геополитического уровня — может быть только экономическая независимость нашей страны. Однако, каким образом можно добиваться экономической независимости России, имея зависимую от иностранного капитала экономическую систему? Перед нами явное противоречие наших дней, притом самое кардинальное: России нужна независимость в области внутренней политики и геополитики, но при этом она критически зависима от иностранного капитала в экономике. Данное противоречие, скажем прямо, работает на системный разрыв экономического базиса и политической надстройки, а потому непременно должно быть устранено.

В том же контексте встает архиважный вопрос: если бы 70 лет назад Великая Отечественная война застала нас не с советской плановой системой хозяйствования, а

с нынешней — экспортно-сырьевой, что бы мы делали, смогли бы выйти победителями в тогдашнем судьбоносном испытании, предельно тяжелом для нашей страны?

В военные годы советская плановая система позволила превзойти экономический потенциал фашистского рейха, причем, что называется, на ходу, в обстановке фронтовых сражений. Пришлось заниматься эвакуацией тысяч предприятий из европейской части, переселением десятков миллионов мирных граждан, скота, имущества и т.д., перебазированием станков, оборудования, электроэнергетики, химических производств. Вдобавок, в 1941-1942 годах были потеряны самые лучшие европейские зернопроизводящие регионы, но страна сумела организовать производство зерна за Уралом. Весь Советский Союз в годы войны кормила зауральская аграрная территория, которая относится к самым неблагоприятным по условиям зернового производства.

Именно тогдашняя планово-экономическая система позволила решить сложнейшие вопросы организации военного хозяйства. Более того, по качеству военной техники — танки, артиллерия, самолеты и пр., советское оружие к концу Второй мировой войны было лучшим в мире.

А если бы, повторим, довелось встречать фашистские армады с экспортно-сырьевой моделью, с бесплановой экономической системой, к тому же еще компрадорской? Думается, в таком случае ни одного предприятия не смогли бы переместить из европейской части в Заволжье и на Урал. Да и как можно перемещать предприятия, предоставленные самим себе, которые работают даже не на частный (внутренний) интерес, а на иностранный. Очевидно, перед нами один из поучительных уроков отечественной истории, который крайне актуален ныне и действительно говорит о переключке времен.

§ 2. В чьих руках командные высоты?

Главная характеристика любой экономической системы определяется тем, в чьих руках находятся командные высоты экономики. К командным высотам экономики относятся электроэнергетика, инфраструктура, топливно-энергетический комплекс, агропромышленный, ресурсы продовольственной, технологической, научно-технической безопасности, банковская система, земля, стратегические предприятия. В чьих руках это все?

Разве командные высоты нашей экономики находятся сейчас в руках государства? Нет, они не в руках нашего государства, и даже не столько в руках внутреннего олигархически-компрадорского клана, сколько в руках иностранного капитала, который овладел командными высотами постсоветской экономики через олигархические и офшорные структуры.

Приведем один конкретный пример, чтобы сказанное было не голословным обобщением, а конкретным и наглядным аргументом. Посмотрим на нашу гражданскую авиацию: какую долю авиапарка обеспечивают сейчас отечественные самолеты? Менее 5%. Почти 95% пассажирских авиаперевозок выполняется с использованием иностранной техники. Зададимся простым вопросом: в чьей собственности числятся «боинги» и «аэробусы», которыми летаем? Можно ли считать их «нашими» по собственности самолетами? Нет, нельзя, ибо все они находятся в лизинге. Российские авиакомпании лишь арендуют их у иностранных собственников — вместе с запчастями и расходными материалами. А ведь самолетный авиапарк — это тоже командные высоты экономики.

Или взять банковскую систему, так называемые банковские платежно-расчетные технологии, карточки, протоколы, стан-

дарты, серверы, супер-ЭВМ. Они чьи? Чья там операционные системы? Чья система SWIFT? Она что, наша? Нет, и она не наша, даже на нашей территории. Поэтому едва ли удивительно, что при возникновении вопроса о санкциях угрозой угроз стало отключение платежно-расчетной инфраструктуры на территории России, включая систему SWIFT. А была бы национальная, суверенная платежно-расчетная система, угрожали бы нам подобные санкции? Конечно, нет. Таково конкретное значение вопроса — «В чьих руках командные высоты нашей экономики?», а также того, каков характер имеет действующая экономическая система.

Исходя из парадигмы командных высот экономики, причины кризиса идентифицируются как целиком внутренние. По сути, постсоветская Россия изначально живет в состоянии системного кризиса, то есть кризиса компрадорской экономической системы. Естественно, с падением цен сырьевого экспорта обострение системного кризиса достигает кульминации, более всего чувствительной в бюджетной сфере. Поэтому незачем кивать на санкции иностранных партнеров нашего олигархически-компрадорского клана, ибо кризис имеет характер системного.

Несмотря на то, сегодня ряд экономистов, приверженных компрадорской идеологии (А.Л. Кудрин, Е.Т. Гурвич, В.А. Мау, А.В. Улюкаев, Б.Ю. Титов), так или иначе отстаивает экспортно-сырьевую модель и компрадорскую экономическую систему. Они придерживаются такого мнения, что экспортно-сырьевая модель поддается модернизации и нужно только урезать либо вовсе убрать долю государства, то есть добиться того, чтобы экспортно-сырьевая рента полностью уходила в руки олигархов, а не в государственный бюджет.

Здесь очень интересный и примечательный момент, притом опять-таки системного порядка. Технически доля государства в экспортно-сырьевой ренте держится на экспортных пошлинах и налоге на добычу полезных ископаемых (НДПИ). Бюджетную долю и предлагается предельно ужать под видом так называемой дальнейшей либерализации, дебюрократизации и приватизации. Но что значит сокращение государственного сектора? Что значит отход от государственной поддержки внутреннего спроса? Нелишне отметить, что государственная поддержка внутреннего спроса осуществляется путем индексирования социальных расходов и пенсий, финансирования оборонных заказов, которые дают работу множеству оборонных предприятий, финансирования энергетической и транспортной инфраструктуры, строительства магистральных дорог, на которые и так не хватает средств, жилищного строительства, в том числе для молодых специалистов, сферы АПК и т.д. Все статьи бюджетных расходов, от инвестиционных до социальных и экологических, обеспечивают государственную поддержку совокупного спроса.

Сторонники компрадорской позиции трактуют бюджетную поддержку внутреннего спроса населения и предприятий как «экономику спроса», от которой призывают уйти. Но уйти — значит выдернуть и исключить из поддержки совокупного спроса бюджетные расходы. Как можно их выдернуть? Очевидно, чтобы не было бюджетных расходов, надо убрать бюджетные доходы. Какие? Прежде всего, нефтегазовые экспортные пошлины и НДПИ.

И действительно, компрадорский клан открыл сейчас настоящий бюджетный фронт. Если пристально посмотреть, вокруг чего развернулась нешуточная схватка, то можно увидеть такую новацию —

собственники нефтегазовых промыслов предлагают уйти от экспортных пошлин и НДС к налогу на добавочный доход (НДД), который легко обнуляется офшоризацией доходов и капиталов. Вместе с тем, разумеется, к нулю сводятся нефтегазовые доходы бюджета, а с ними — и бюджетные расходы, направленные на поддержку совокупного внутреннего спроса. Государству, оставленному с пустой казной, придется вновь обратиться к зарубежным займам, по сути — согласиться с очередной внешне-долговой кабалой, которая уже была в 1990-е годы.

За всеми этими вроде бы техническими вопросами на самом деле стоит главный системный вопрос: в чьих руках будут командные высоты экономики, и в чьих интересах будут использоваться нефтегазовые доходы? Поэтому передний край борьбы в нашей экономической науке сегодня проходит по линии не ликвидации государственной поддержки совокупного спроса, а напротив — ее усиления. Причем требуется кардинальное усиление, которое должно проводиться уже не за счет передела экспортно-сырьевой ренты, а за счет того, что топливно-энергетический комплекс изначально работает на бюджет и бюджетные доходы. России необходима такая экономическая система, при которой доходы не делятся между государством и частником в нефтегазовом комплексе, а являются бюджетными с самого начала. Вот на какую системную конструкцию важно выйти из нынешних дебатов и борьбы между двумя позициями — суверенной и компрадорской.

В январе этого года Правительство РФ приняло антикризисную программу, называемую еще антикризисным планом. Конечно, перечень намеченных мер каким-либо планом не является. Скорее он представляет собой набор деклараций и

обещаний финансовых вливаний, причем в первую очередь — в тот самый олигархически-компрадорский банковский сектор, который как раз и занимается выводом денежного капитала за рубеж. Самый главный изъян правительственной программы заключается не в том, что мало денег выделяется на борьбу с кризисом, а в том, что ее составители совершенно не считаются с тем, какого рода кризис выступил сейчас наружу.

Дело отнюдь не в том, какие темпы демонстрирует сейчас наша экономика, а в том, что экономического роста правительство ждет от экспортно-сырьевой модели, абсолютно недееспособной. Теперь неважно, высоки цены сырьевого экспорта или нет. Особенность последних лет говорит сама за себя: экспортно-сырьевая модель в принципе не в состоянии обеспечивать даже номинальный рост бюджета и экономики, независимо от того, каков уровень цен на нефть и газ. Растут ли цены на нефть, падают ли — это для экспортно-сырьевой модели уже совершенно безразлично. Она потерпела полный крах. Все, под ней пора подвести черту. Требовать от нее темпов роста бесполезно. И впрямь бессмысленно: во-первых — требовать того, чтобы оживить мертвого; во-вторых — терять на это время; в-третьих — исходить из компрадорской утопии, будто экспортно-сырьевую модель можно оставить еще на 10 лет.

Подобный подход абсолютно неправилен, потому что темпов роста от экспортно-сырьевой модели не дождаться. Но самое интересное, что незачем и ждать, потому что это все равно будет фиктивный рост.

Известно, что период 2000–2008 годов образно называют «тучными годами», поскольку были достигнуты самые впечатляющие якобы темпы роста экономики. Подобная точка зрения представлена, например, А.Л. Кудриным и Е.Т. Гурвичем в

их совместной статье¹. Указанный период авторы называют «впечатляющим», ссылаясь на то, что в долларовом выражении ВВП нашей страны вырос в 7 раз. Но их восторженная оценка беспочвенна. В самом деле, разве покупательная способность населения выросла тоже в 7 раз? Реальная величина покупательной способности трудящихся никак не делает их в 7 раз богаче в 2008 году по сравнению с 2000 годом. Верно, в долларовом выражении ВВП России действительно вырос в 6,95-7 раз — это официальные данные. Однако, зафиксированный семикратный прирост в долларовом исчислении отражает не что иное, как бешеную инфляцию нефтедоллара. Если исключить ее, получим реальную динамику совокупной покупательной способности: она и впрямь выросла, но только не в 7 раз, а всего лишь в 1,5 раза. При очищении от инфляции нефтедоллара иллюзия «впечатляющего» роста в 2000-2008-х годах рассеивается словно дым.

В настоящее время фактически сложилась система двух долларов. Первый доллар — это тот, который находится во внутреннем обращении США, по сути, на 99% безналичный доллар, циркулирующий посредством электронных транзакций. Его покупательная способность держится очень жестко. Максимум годовой инфляции в США составляет 2,2%. Причем в последние годы ФРС США больше всего опасается обратного процесса — дефляции.

Второй доллар внешний, как бы «на вынос», на экспорт, для остального мира. Это, прежде всего, нефтедоллар. Поддержкой его покупательной способности американцы не занимаются вообще, поскольку нефтедоллар отоваривается ресурсами остального мира, не американского.

¹ Кудрин А., Гурвич Е. Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. — 2014. — № 12.

Итак, по внутреннему доллару покупательная способность поддерживается американскими товарами. Покупательная же способность нефтедоллара обеспечивается нефтью, прочим сырьем и ресурсами остального мира, в том числе России. Никакой ответственности за покупательную способность нефтедоллара США не несут, они попросту не обеспечивают его своими товарами. Главное, чем США принуждают остальной мир использовать нефтедоллар, это захват нефтеносных провинций по всему миру, контроль морских коммуникаций и танкерного флота, насаждение марионеточных режимов в нефтедобывающих странах или богатых сырьевыми ресурсами. Недавние примеры — свержение неугодных США режимов в Ираке, Ливии, Украине.

Все нефтеносные регионы планеты подвержены ныне американскому контролю либо борьбе за американский контроль. В отношении наших нефтеносных провинций у Соединенных Штатов также имеются стратегические планы: по постановке их под свой прямой политический, экономический или валютно-монетарный контроль. Когда говорят о семикратном росте ВВП России в долларовом выражении, то фактически оперируют именно нефтедолларовым выражением и видят не что иное, как плоды импорта нефтедолларовой инфляции.

Приведем еще одно важное отличие внутреннего доллара от внешнего. По внутреннему доллару имеется и рассчитывается индекс-дефлятор, тогда как по внешнему индексу-дефлятора нет. Привести ВВП, выраженный в нефтедолларах, к сопоставимому долларовому объему невозможно, ибо не существует соответствующего индекса-дефлятора. Получается, что страна с экспортно-сырьевой экономикой не в состоянии даже подсчитывать реальную динамику своей нефтедолларовой покупательной способности.

Конечно, метод аналитического расчета есть. Нами неслучайно названа цифра реального прироста ВВП России за 2000-2008-е годы. Она исчислена с применением проверенного советского метода расчета по балансу народного хозяйства. Он служит самым точным алгоритмом, и расчеты по нему показывают, что реальная покупательная способность населения, бюджета и предприятий увеличилась не более чем в 1,5 раза.

Безусловно, говорить о каком-либо впечатляющем периоде не приходится, потому что полторакратный рост все равно ниже двукратного, о котором шла речь в 2003 году. Но самое главное в том, что реальная покупательная способность общества все еще в два раза ниже по сравнению с советским, дореформенным уровнем. Постсоветская емкость отечественного внутреннего рынка до сих пор в 2 раза ниже, чем его емкость в советское время.

С точки зрения фундаментальных факторов все закономерно. В советский период емкость всесоюзного рынка наполнялась промышленными товарами собственного изготовления: мы летали своими самолетами, ездили своими поездами, смотрели свои телеприемники, выпускали свои станки и машины. Теперь, к сожалению, страна вынуждена заполнять внутренний рынок без собственных промышленных товаров, как в случае с самолетами и высокоскоростными поездами, только на основе добычи сырья, по схеме: сырье в обмен на продовольствие и оборудование.

Может ли отечественный рынок быть при деиндустриализации больше и насыщеннее, чем в советский период, когда промышленность работала на полную мощь? Конечно, не может. В условиях деиндустриализации просто не приходится рассчитывать на то, чтобы восстановить советский уровень товарного насыщения

внутреннего рынка, не говоря уже о советском качестве продовольственной и промышленной продукции.

Мало того, в валютно-монетарном исчислении экспортно-сырьевая модель гарантирует России типичную игру с нулевой суммой, даже если отвлечься от импорта инфляции и колоссального оттока капитала за рубеж. Когда мы дороже продаем нефть и газ, то дороже покупаем машины и продовольствие. Если выполнить простейший анализ для периода 2000-2014 годов, умножив объемы экспорта и импорта на индекс экспортных и импортных цен, то получим нулевой баланс. Сколько мы вывозим, столько в эквиваленте и ввозим.

Приведем наглядное сравнение. Спрашивается, что тяжелее в физическом измерении: 1 кг гвоздей по состоянию на 2000 год или 1 кг ваты по состоянию на 2015 год. Вопрос сугубо риторический, поскольку и тогда был килограмм, и теперь. Точно так же и экспортно-сырьевая модель: в физическом выражении ни экспорт нефти не возрос в 7 раз, ни экспорт газа или металлов и удобрений. Многократно возросла лишь инфляция нефтедоллара. Чем больше нефтедолларов печатает ФРС США, тем выше цена за нефть и нефтедолларовый ВВП России. Стоит же провести дефлятирование макроэкономической динамики по всем канонам, и семикратный показатель роста оборачивается полной фикцией. В конечном счете Россия остается только без очередной порции своего национального богатства, выступая чистым товарным кредитором иностранных ТНК и импортируя взамен инфляцию.

Поэтому те, кто понимает нехитрую схему неэквивалентного для России обмена реального на виртуальное и фиктивное, выступают за устранение экспортно-сырьевой модели, за переход от компрадорской и бесплановой экономической системы к суверенной и плановой. Позиция здесь

логична и обоснована: кризис компрадорской системы преодолевается переходом к суверенной, а кризис бесплановой — установлением плановой.

Однако административным ресурсом обладает, к сожалению, группа экономистов с компрадорской идеологией, которая пропагандирует идею опоры на иностранный капитал и шаблонно заверяет, будто Запад нам поможет. Сейчас они выдвинули программу модернизации экспортно-сырьевой модели путем приватизации и налоговых маневров. Однако, как уже показано, модернизировать экспортно-сырьевую модель — это все равно что модернизировать системный кризис России. В лучшем случае продолжится игра с нулевой суммой, и только.

Абсурдно призывать к модернизации экспортно-сырьевой модели, ибо для России враждебна и не нужна сама эта модель. Нашей стране нужна модель неоиндустриального развития, с первоклассной индустрией высокотехнологичной переработки сырья в готовую конечную продукцию с высокой долей добавленной стоимости (а не одной только прибыли). России нужна экономическая система, которая позволяет иметь свою технику, свою авиацию, перевозить население своими самолетами, а не чужими, своими высокоскоростными поездами, использовать свои телеприемники, свои цифровые гаджеты, свои платежно-расчетные системы, свою фундаментальную и прикладную науку, иметь свои высокие технологии, свои автоматизированные рабочие места. Вся стратегия «иметь свое» в области командных высот экономики как раз и обеспечивается на основе новой индустриализации. Отсюда и вытекает принципиальный вывод, что нашей стране нужна сейчас экономическая система, рассчитанная на плановое проведение новой индустриализации всего отечественного хозяйства.

§ 3. Что такое новая индустриализация

Целесообразно кратко напомнить, что такое новая индустриализация. Она представляет собой вторую фазу индустриализации, понимаемую в качестве процесса замещения трудоемкого наукоемким, или машиноемким. Как известно, суть первой фазы индустриализации заключалась в электрификации промышленности, сельского хозяйства, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства, социальной инфраструктуры. Первичная индустриализация состоит, следовательно, в электрификации производительных сил. Главные задачи электрификации в основном выполнены. Но, заметим, она еще не завершена. Ряд задач, причем весьма крупных, все еще остается и ждет своего практического решения. В их числе: электрификация сельскохозяйственных машин, автомобильного, морского и речного транспорта, авиационного и т.д. Следовательно, пока рано говорить об окончании даже первой фазы индустриализации.

Менее известно было о том, что индустриализация имеет не одну, а две фазы, что индустриализация не останавливается на электрификации рабочих мест, а продолжается их компьютеризацией и автоматизацией, вплоть до становления единой автоматизированной системы производительных машин, взаимно интегрированных микропроцессорными, или цифровыми технологиями.

Обе фазы индустриализации — и первая, и вторая — закономерно связаны одна с другой, поскольку действует простой, но неумолимый закон их связи: автоматизировать можно то и только то, что предварительно электрифицировано.

Таким образом, неоиндустриализация означает создание компьютеризованных и автоматизированных производительных сил, увязанных в единую автоматизиро-

ванную систему машинного производства и распределения материальных и социальных благ.

Если базисным продуктом электрификации является киловатт-час, то базисный продукт неоиндустриализации — это микропроцессор. Соответственно, готовность конкретной страны к неоиндустриальному этапу развития определяется наличием внутреннего производства микропроцессоров и микропроцессорной техники. Страна, которая обладает своим производством передовых микропроцессоров, подготовлена к масштабной неоиндустриализации во всех отношениях: научно-техническом, технологическом, инновационном, индустриальном, информационном, кадровом, организационном, системном.

Поэтому различного рода концепции научно-технического прогресса, инновационного пути развития, «экономики знаний», «информационного общества», «новой экономики» или «цифрового социума» представляют собой лишь точечные, подчас весьма поверхностные срезы возникающей ныне неоиндустриальной реальности.

Упрощенным, но конкретным количественным индикатором хода неоиндустриализации может служить удельный вес автоматизированных рабочих мест, прежде всего — в сельском хозяйстве, промышленности, строительстве и электроэнергетике. В наиболее передовых индустриальных странах мира доля таковых колеблется от 12 до 24% общего их количества в соответствующих секторах. Это значит, что самые развитые державы планеты действительно вступили в этап крупномасштабной неоиндустриализации.

России необходимо как можно быстрее разворачивать процесс крупномасштабной неоиндустриализации. Иначе говоря —

формировать технотронный, высокоавтоматизированный, полностью «оцифрованный» наукоемкий способ производства, который позволяет с минимальными затратами труда и ресурсов удовлетворять современные материальные, социальные и экологические потребности людей, работая в соответствии с принципами безлюдности, безотходности, рециркуляции ресурсов и рекреации окружающей среды.

Помимо отставания в неоиндустриальном развитии положение российской экономики осложняется деиндустриализацией.

У деиндустриализации России — своя причина, которая заключается в дезинтеграции добывающей и обрабатывающей индустрии. В свою очередь, их дезинтеграция поддерживается экспортно-сырьевой экономической системой, основанной на господстве олигархической собственности в сырьевом, а также инфраструктурном секторе народного хозяйства.

Безусловно, какой-либо альтернативы неоиндустриализации не существует. Неоиндустриальный этап развития столь же обязателен для России, как и этап электрификации.

И, разумеется, дело не в том, чтобы формально или вербально признать необходимость новой индустриализации. Важно выработать и практически реализовать конкретные государственные решения, адекватные требованиям и перспективе неоиндустриального развития.

Одно из самых первоочередных и фундаментальных требований уже названо — это организация автоматизированного производства передовых микропроцессоров и микропроцессорных устройств. С точки зрения неоиндустриальной перспективы организация такого производства составляет приоритет в полном смысле слова.

Отметим еще один, уже целевой приоритет неоиндустриального развития – трудосбережение. Компьютеризация и автоматизация рабочих мест влекут за собой рост человеческого потенциала (доли высококвалифицированной, дорогой рабочей силы, занятой преимущественно интеллектуальным трудом) и производительности труда; вслед за тем соразмерно возрастает трудосбережение, благодаря которому происходят сокращение рабочего времени (во Франции, Германии, Швейцарии, скандинавских странах – до 35 часов в неделю и менее) и увеличение свободного времени.

Чем квалифицированнее, производительнее и дороже рабочая сила, тем больше заинтересованность в замещении трудоемкого капиталоемким, т.е. в неоиндустриальном прогрессе. Тогда производство становится сферой, не отталкивающей, а притягивающей науку, НИР и НИОКР, инновации, долгосрочные научно-технологические программы. Тем самым процесс неоиндустриализации, сориентированный на трудосбережение, способен включить в действие потенциал своего расширенного воспроизводства, становясь самовоспроизводящимся.

В данном отношении, воспроизводственном, верный выбор целевых приоритетов исключительно важен для экономической политики государства. Сейчас, например, одним из приоритетов называют энергоэффективность. Но достижима ли она в отрыве от трудосбережения, без неоиндустриализации? Недостижима.

Высокая энергоемкость ВВП России обусловлена двумя факторами: завышенными внутренними ценами на энергоносители и деиндустриализацией, из-за чего слишком мало промышленной добавленной стоимости приходится на единицу стоимости сырья и топлива.

§ 4. Экономическая система для новой индустриализации

Практическое осуществление новой, наукоемкой индустриализации России возможно не иначе, как на основе новой экономической системы – суверенной и плано-регулируемой. Сама собой, в порядке стихийного самотека новая индустриализация не произойдет. Она требует восстановления всех командных высот экономики в суверенной собственности, вертикально интегрированной формы организации нашего народного хозяйства и плановых методов концентрации людских, материальных и финансовых ресурсов на приоритетных направлениях развития. Только при таких системных условиях и предпосылках страна получит подъем, развитие и рост отечественного хозяйства.

Представим формулу реального экономического роста, достижимого исключительно лишь на базе неоиндустриальной экономической модели:

$$E = (Y_{t+1}/i - Y_t)/K_t; \quad A = K_t/Y_t; \quad (1)$$

$$g = 100\% \times (Y_{t+1}/i - Y_t)/K_t \times K_t/Y_t; \quad (2)$$

$$g = 100\% \times E \times A \text{ (в сопоставимых ценах),} \quad (3)$$

где:

E – эффективность капиталовложений;

g – темп роста экономики;

A – доля накопления;

i – уровень инфляции;

Y_{t+1} – ВВП в текущих ценах;

Y_t – ВВП прошлого периода;

K_t – фонд накопления.

Согласно приведенным соотношениям, темпы экономического роста прямо пропорциональны эффективности капитальных вложений, доле накопления и обратно пропорциональны индексу-дефлятору. Первая часть формализованной записи означает, что разность между объемом ВВП

в текущих ценах, скорректированным на индекс-дефлятор, и объемом ВВП прошлого периода, деленная на величину фонда накопления, выражает эффективность капитальных вложений. Соответственно, удельный вес капитальных вложений в ВВП означает долю накопления. В итоговой записи, самой короткой, величины берутся в сопоставимых ценах и потому формула экономического роста сводится к эффективности капитальных вложений, умноженной на долю накопления. Перед нами те самые внутренние и фундаментальные параметры, которые должны быть объектом планового регулирования и управления.

Подставим в данную формулу реальные значения параметров: эффективность капитальных вложений — 2,5% в год при инфляции 7%, доля накоплений — 20%; при инфляции на уровне 16% эффективность накопления становится отрицательной — -3%. С учетом указанных величин реальный диапазон макроэкономической динамики колеблется от 0,5 до -0,6% в год, то есть в пределах арифметического нуля. Таков истинный КПД компрадорской экономической системы с точки зрения экономического роста.

Есть и другой момент, связанный с тем, что инфляция превосходит эффективность капитальных вложений. Поставим себя на место внутреннего инвестора, который вкладывает 100 рублей, а в виде инвестиционной отдачи получает 2,5%, тогда как инфляция составляет 16%. Каков его реальный доход? Отрицательный — -13,5% в расчете на 100 рублей. В то же время за рубежом депозитная ставка 1-2%. Кажется, что это очень низкий процент. Но сопоставим его с нашими условиями и зададимся вопросом, что лучше: потерять 13,5% в России или приобрести 1-2% за ее преде-

лами? Что предпочтет внутренний инвестор? Несомненно, вывод своих средств за рубеж. Такой вариант и будет основным при сохранении компрадорской экономической системы, которая не допускает ни регулирования трансграничного движения капитала, ни планово-нормативного механизма сокращения издержек производства, ни устранения деиндустриализации.

Нами представлен только один элементарный расчет, но из него вполне ясно, почему сокращается величина капитальных вложений в нашей экономике. Нечего и говорить, что без инвестиций нет ни развития, ни будущего. В существующих системных условиях ВВП России стремится к падению, ибо компрадорская экономическая система не включает в себя методов планового воздействия на ключевые факторы экономического роста — эффективность капитальных вложений и долю суммарного накопления.

Кроме того, неадекватна и целевая функция. Действительно, что должна максимизировать новая, суверенная и планово-регулируемая экономическая система? Возьмем ВВП, или конечный спрос, с точки зрения его важнейших внутренних элементов. Их три: заработная плата, или интерес работника; прибыль, или интерес частного собственника; и государственный бюджет, или интерес совокупного, социального капитала.

$$Y = v + s + f, \quad (4)$$

где:

v — заработная плата;

s — прибыль;

f — госбюджет.

Какой же элемент из трех должна максимизировать экономическая система: прибыль, заработную плату или бюджет?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужен анализ системных последствий с учетом максимизации каждого из данных элементов. Тогда открываются очень интересные особенности. В частности, максимизация прибыли в условиях России означает минимизацию заработной платы и бюджета. «На выходе» получаются богатый олигарх, нищий работник и нищее государство.

$$[AX + (s \rightarrow_{max})] + (v + g) \rightarrow_{min}, \quad (5)$$

где:

AX – промежуточный выпуск;

s – прибыль (извлекается из промежуточного производства, а не конечного, как при вертикальной интеграции);

v – заработная плата;

g – госбюджет.

Возвратимся теперь к тому геополитическому состоянию, в котором находится страна. Спрашивается, отвечает ли вариант нищих работников и нищего государства нашим политическим и геополитическим задачам? Нет, не отвечает. Стало быть, всякая экономическая система, которая направлена на максимизацию прибыли, заведомо противоречит тем задачам, которые стоят перед страной. Между тем, принцип максимума прибыли является основной догмой и священной коровой «экономикс» с его предельной эффективностью капитала. Все предложения компрадорских идеологов исходят из того, что нужно работать на прибыль. Но кто тогда будет работать на заработную плату и государственный бюджет? Нам предлагают широкую целевую функцию экономической системы оставить в подчинении узкой и компрадорской – частной прибыли. На самом деле формула экономической системы, адекватной нашим экономическим и геополитическим задачам, совершенно иная:

$$AX + [(v + f) \rightarrow_{max}] + (s \rightarrow_{min}), \quad (6)$$

где:

AX – промежуточный выпуск;

v – заработная плата;

f – госбюджет;

s – прибыль.

Исходя из нее, отечественную экономическую систему надо коренным образом перестроить, перенастроив на максимизацию заработной платы и государственного бюджета при минимизации частной прибыли. В том, собственно, и состоит реальное преодоление системного кризиса. Выйти из него можно только с принципиально новой, суверенной и плано-регулируемой экономической системой.

Описанный нами и объективно требуемый системный переход опять же расходится с догматами и постулатами идеологии свободного рынка, потому что, оказывается, в рамках неоиндустриальной экономической модели конкурентным преимуществом является не дешевая рабочая сила, а, наоборот, высокооплачиваемая. Приоритетами являются не низкий, а высокий уровень заработной платы; не слабое или нищее, а сильное и богатое государство, способное управлять эффективностью капитальных вложений и долей внутреннего накопления.

В системном аспекте парадигма новой индустриализации предполагает переворот в наших представлениях. Для новой индустриализации подходит не всякая, а по-особому устроенная экономическая система, с новыми организационными формами и методами планового управления. Ведущей становится вертикально-интегрированная форма организации народного хозяйства. Она позволяет сформировать экономику своих многоотраслевых корпораций, с не меньшей

степенью централизации и концентрации промышленного капитала, чем в крупнейших иностранных ТНК.

Итак, системные альтернативы ясны: либо дезинтегрированная «экономика спроса», либо дезинтегрированная «экономика предложения», либо интегрированная экономика своих многоотраслевых корпораций, то есть вертикально интегрированных цепочек добавленной стоимости.

«Экономика спроса» означает экспортно-сырьевую модель при государственной поддержке совокупного спроса. Но сегодня сохранить такой вариант невозможно даже при всем желании, потому что экспортно-сырьевая модель перестала наполнять государственный бюджет. С 2013 года спрос приходится поддерживать за счет расходования золотовалютных резервов, и темпы их истощения таковы, что их хватит на 44 недели, что меньше года. В любом случае ресурс экспортно-сырьевой модели исчерпан.

Что касается «экономики предложения», то она предполагает ликвидацию государственной поддержки совокупного спроса и максимальное дерегулирование, преподносимое под видом деbüroкратизации и очередной «либерализации». По сути, «экономикой предложения» прикрывается призыв к откат назад, к хаосу и беспределу 1990-х годов.

Удивительно асоциальное все-таки мышление у компрадорских псевдолибералов: в ранг антикризисной меры они возвели ныне повышение пенсионного возраста. Оказывается, для того чтобы Россия преодолела кризис в экономике, нужно непременно увеличить пенсионный возраст. Не нужны ни инвестиции, ни организационная революция, чтобы перейти от стихии и анархии к межотраслевому

взаимодействию, ни высококвалифицированная рабочая сила, ни автоматизированные рабочие места: достаточно того, чтобы были престарелые пенсионеры, чтобы мужчины получали пенсию не в 60 лет, а в 65, а женщины – в 60 лет. Каким образом увеличение пенсионного возраста обеспечивает рост производительности труда и сокращение безработицы – о том даже не задумываются, равно как о сроке дожития пенсионеров и качестве их жизни.

Понятно, что столь несуразная, асоциальная и внеэкономическая мера не только не разрешает, но усугубляет системный кризис. Тем не менее с ней носятся упомянутые экономисты, облеченные административным ресурсом. Они смотрят не в ту сторону, они вообще находятся не на той стороне истории. Истинную перспективу России олицетворяет вертикально интегрированная экономическая система, или интегрированная экономика многоотраслевых корпораций.

В завершение еще раз вернемся к формуле экономического реального роста. Индекс-дефлятор обратно пропорционален темпам роста. Что означает такая зависимость? Вывод из нее очевиден. В интересах подлинного экономического подъема России необходимо, чтобы покупательная способность рубля сохранялась стабильной на протяжении хотя бы двух пятилеток, чтобы не было обесценения рубля, чтобы он стал стимулом сбережения, накопления и зарабатывания сроком минимум на 10 лет.

Для компрадорской экономической системы это просто фантастическое требование. И когда псевдолибералы говорят о свободном рынке, которого якобы мало, то становятся столь же абсурдными, как и американские аборигены с их диким представлением, будто стекляшки бус дороже

первоклассного золота. О каком товарно-денежном обращении можно вести речь, когда покупательная способность рубля, как средства обращения, ежегодно падает на 20-30%? С начала 1990-х годов нет элементарного платежного стимула накапливать и зарабатывать; сейчас для большинства стимул только один – получить рубль и тут же отоварить его, чтобы избежать инфляционных потерь. И псевдолибералы, неспособные хотя бы на 10 лет обеспечить стабильность покупательной способности рубля, смеют еще рассуждать о рынке. Мы уж не вдаемся в общеизвестные классические положения, что рынок расширяется только вместе с разделением труда, что главнейшим в разделении труда выступает индустриальное звено с производством орудий труда, машин и машинной техники, а компрадорская экономическая система выбросила это звено, угробив собственную обрабатывающую индустрию и производство машинных средств производства, то есть группу «А». В результате усечены и разделение труда, и емкость внутреннего рынка, и покупательная сила рубля.

История еще не знала такого, чтобы переход к рынку осуществлялся посредством уничтожения товарного производства и национальной валюты. На наш взгляд, пора уже положить конец всяческим спекуляциям со ссылкой на рынок и свободную конкуренцию.

Системный кризис России требует смены экономической системы: вместо компрадорской и бесплановой нам нужна суверенная и плановая. Только так мы получим неоиндустриальную экономическую модель, которая гарантирует успех новой индустриализации нашего народного хозяйства. Причем действовать нужно оперативно, поскольку время не ждет.

Соответственно, первоочередным стратегическим приоритетом является замена олигархически-компрадорской и децентрализованной экономической системы государственно-корпоративной и плано-централизованной. Для практического осуществления столь коренной системной модернизации необходимы следующие конкретные меры:

- национализация стратегических высот экономики: земли, топливно-энергетического и добывающего комплекса, инфраструктурных монополий, внешней торговли, банковской сферы;
- вертикальная интеграция собственности добывающей и обрабатывающей промышленности, прикладной науки в рамках общенациональных межотраслевых корпорациях, специализированных на выпуске инновационной и наукоемкой продукции конечного спроса;
- формирование мощного государственно-корпоративного сектора в качестве ядра всей российской экономики;
- создание новой системы общегосударственного плано-корпоративного планирования, целевой функцией которого является производительность труда и которое обеспечивает скоординированное взаимодействие государства, вертикально-интегрированных корпораций, средних и малых предприятий ради непрерывного увеличения покупательной способности населения, в первую очередь – трудящегося;
- организация работы финансово-банковской системы на основе общегосударственных планов внутреннего накопления, капитальных вложений и кредитования промышленности, а также экспортно-импортного плана;
- интеграция производственных связей между корпорациями и предприятиями по принципу системы «точно вовремя»;

- переход к системе регулирования оплаты и производительности труда на почасовой основе, с привязкой к почасовым ставкам величины прожиточного минимума, пенсий, стипендий, социальных пособий и выплат; почасовая система позволит увязать заработную плату как с результатами, так и с производительностью труда, а в конечном счете — создать заинтересованность государства и работников в эффективном труде, стимулировать их за результаты, а не затраты;

- компьютеризация платежей и расчетов населения, с последовательным сокращением доли налично-денежного обращения; это позволяет регулировать меру труда и потребления, использовать прогрессивное налогообложение, ограничить сферу коррупции государственных служащих, повысить уровень социальной справедливости в обществе;

- стандартизация производственных мощностей, продуктов и технологий, начиная с предметов потребительского спроса, в первую очередь — пищевых и продовольственных; стратегической ошибкой была отмена ГОСТов на потребительские товары, в результате чего драматически увеличилась смертность из-за массового потребления фальсификатов, суррогатов, просроченных, бракованных и просто вредных для здоровья пищевых продуктов; пока нет более строгих стандартов, следовало бы безотлагательно восстановить действие системы советских ГОСТов на продовольственные и другие потребительские товары;

- разработка и осуществление общегосударственного плана неоиндустриализации производительных сил России, с тем чтобы наша страна располагала собственным производством критически важных высоких технологий, начиная с производ-

ства передовых микропроцессоров и технотронных двигателей; только отлаженное производство технотронных средств производства, только высокотехнологичный автоматизированный машиностроительный комплекс позволит нашей стране добиться технологической независимости.

Перечисленные нами конкретные меры целиком отвечают стратегическим приоритетам неоиндустриального развития России. Не компрадорская экономическая система, а государственно-корпоративная; не монетаризм, а планово-промышленная политика; не экспортно-сырьевая модель, а неоиндустриальная и вертикально интегрированная — так стоит сейчас вопрос.

Наша страна вышла на поворотный рубеж. И проблема даже не в том, что страна находится в системном кризисе, а в том, каким образом выйти на правильный путь развития, на тот путь, который гарантирует России увеличение экономического потенциала, оборонно-промышленной мощи и работу на саму себя, а не на иностранный капитал. Что и как делать, на основе какой экономической системы — это научно обосновано и определено. Но системный поворот дается не без борьбы.

Соответственно, для нашего общества важны понимание, консолидация и поддержка суверенной и плановой экономической системы. Повернуть на правильный путь большинство может только сообща. Если повернет лишь один человек, то выйдет не поворот всей страны, а увеличение раскола в обществе. Между тем, нам требуется социальная консолидация, а она предполагает четкое понимание как того, кто зовет вперед, а кто под видом прогресса тянет страну назад, так и того, на чьи интересы работают те или иные представления и предложения.

Вперед, к прогрессу Россию может привести только путь неоиндустриального развития, а пройти его дано только с помощью суверенных по форме собственности командных высот экономики.

С опорой на них наш народ выстоял и победил в Великой Отечественной войне; с опорой на них мы обязательно добьемся новых свершений и побед в современном мире.

Gubanov S.S.

Systemic crisis and the choice of the way of development for Russia

Sergei Semenovich Gubanov – Doctor of Economics, Professor at Lomonosov Moscow State University, Chief Editor of the journal “The Economist”.

Abstract. The article considers the reasons that led to the systemic crisis in the modern Russian economy, and highlights major factors that impede the transition to the innovation type of the country’s development. The article pays special attention to the losses caused by a comprador nature of the current economic system, and in particular – by its modification focused on export and raw materials. Besides, the article substantiates the author’s viewpoint that at present our country needs an economic system, which is ready for a new and comprehensive industrialization.

Key words: systemic crisis in the economy, comprador nature of the economic system, new industrialization.